

Тот крошечный проблеск отцовской любви, который Гу Сюаньцин только что почувствовал, быстро исчез, и он повысил голос, приняв обычный тон, которым он разговаривал с подчинёнными, и приказал Гу Шэн:

— Что ты сказала? Подойди сюда и говори громче.

Гу Шэн, увидев, что все уже смотрят на неё, слегка подняла голову, её глаза были красными, и она чётко, хотя и негромко, ответила:

— Шэн не смеет подойти. Когда вторая сестра рядом с папочкой, Шэн не может приближаться.

Эти детские слова ошеломили всех в комнате. Как пятилетний ребёнок мог думать так униженно?

Только матушка, стоявшая рядом с господином Гу, побледнела и опустила голову, скрывая свою вину.

Гу Сюаньцин, услышав это, разозлился ещё больше и, нахмурившись, спросил холодным голосом:

— Твоя мать так тебя учила?

— Это не мама сказала, — Гу Шэн покачала головой и с невинным взглядом посмотрела на матушку Ли. — В тот день я видела, как папочка и вторая сестра кормили рыбок у пруда, и хотела подойти поиграть, но матушка Ли остановила меня и сказала, чтобы я вернулась в свою комнату. Она сказала, что, когда господин со второй девушкой, мне там делать нечего.

Гу Сюаньцин сначала опешил, а затем повернулся и резко взглянул на матушку Ли, крича:

— Как ты смеешь!

Матушка Ли с грохотом упала на колени, рыдая и умоляя о прощении.

Служанка, осмелившаяся так неуважительно относиться к главной Яшмовой госпоже, видимо, почувствовала себя вправе из-за того, что господин Гу пренебрегал главными покоями.

Теперь, услышав, как Гу Шэн «невольно» рассказала об этом, Гу Сюаньцин почувствовал стыд и гнев. Он тут же позвал слуг и приказал вывести матушку Ли для наказания.

Гу Жао с изумлением наблюдала, как матушку Ли уводят.

Она не ожидала, что, позвав отца на помощь, сама станет орудием в руках третьей сестры, потеряв одного из своих верных людей. Её лицо покраснело от гнева, и она, обхватив шею Гу Сюаньцина, зарыдала, умоляя позвать мать.

Этот крик заставил Гу Сюаньцина очнуться, и он вспомнил, что матушка Ли была кормилицей наложницы Шэнь. Он тут же изменил своё решение и приказал слугам запереть её в задних постройках до дальнейшего распоряжения.

Гу Шэн всё поняла. «До дальнейшего распоряжения» означало, что наказания не будет. Она и не надеялась, что её отец осмелится обидеть людей наложницы Шэнь. Теперь, когда матушка Ли была напугана до синевы, она хотя бы отомстила за мать и сделала вид, что ничего не понимает, ожидая следующих действий господина Гу.

Господин Гу теперь чувствовал себя виноватым перед третьей дочерью, и на его лице больше не было гнева. Он передал Гу Жао служанке и подошёл к Гу Шэн, присев перед ней и ласково сказав:

— Не слушай этих слуг. Ты моя родная дочь, маленькая Яшмовая госпожа дома виконта. Ты всегда можешь подойти ко мне, поняла?

Гу Шэн наконец подняла голову и, смотря испуганно на мужчину перед ней, увидела, как он улыбается. Она тоже улыбнулась, её глаза всё ещё были красными, но её невинное лицо напоминало цветок лотоса после дождя.

Сердце Гу Сюаньцина растаяло, и он, опустившись на одно колено, раскрыл руки:

— Папочка обнимет.

Гу Шэн без малейших колебаний бросилась в объятия отца, крепко обхватив его шею.

Гу Сюаньцин никогда раньше не чувствовал такой острой вины. Его третья дочь, хотя и была ещё маленькой, всегда была похожа на его жену — она не любила привязываться к людям и никогда не проявляла жажды родительской любви.

Но сегодня она была такой милой и трогательной, что Гу Сюаньцин забыл о веере.

Гу Жао, которую держала служанка, была в шоке. Хотя она была ещё ребёнком, она уже чувствовала, что действия Гу Шэн, которые казались такими простыми, были на несколько уровней выше её истерик, и она растерялась.

Гу Сюаньцин, держа Гу Шэн на руках, с любовью сказал:

— Я уже договорился, что в следующем месяце мы с тобой и Жао поедem в усадьбу на зиму. Швей из дома не поедут, так что если тебе нужно новое платье, не забудь заранее распорядиться.

Гу Шэн широко раскрыла глаза, глядя на Гу Сюаньцина. Она была действительно удивлена.

Поездка в южную усадьбу на зиму всегда была привилегией «хрупкой» наложницы Шэнь и Гу Жао. В прошлой жизни Гу Шэн от рождения до смерти даже не знала, сколько земли было в усадьбе отца. Теперь, внезапно получив «право» поехать туда, она на мгновение растерялась.

Но она быстро взяла себя в руки и, не спеша благодарить Гу Сюаньцина, с наивным видом спросила:

— Папочка, а что такое усадьба?

Этот вопрос снова вызвал чувство вины у господина Гу, ведь Гу Шэн никогда не была в усадьбе. Какая богатая девушка, будучи хрупкой Яшмовой госпожой, должна была переживать зиму, согреваясь углём?

Но затем Гу Сюаньцин подумал, что виновата в этом мать Гу Шэн, госпожа Янь, холодная и гордая женщина.

Ещё до того, как наложница Шэнь вошла в дом, он заботился о госпоже Янь и каждый год брал её в усадьбу.

Но эта женщина не терпела ничего сомнительного, и после того, как наложница Шэнь вошла в дом, она сказала, что другие маркизы ездят в усадьбу только с одной женой, и она не хочет, чтобы её мужа осуждали. Если он хочет взять наложницу Шэнь, она может остаться.

Гу Сюаньцин, будучи умным человеком, понял, что госпожа Янь просто напоминала ему, что она его законная жена.

В гневе он сказал: «Как хочешь», и с тех пор не брал её в усадьбу.

Переложив всю вину на госпожу Янь, Гу Сюаньцин почувствовал себя лучше и с лёгкой улыбкой объяснил Гу Шэн причину поездки в усадьбу, добавив без тени смущения:

— Раньше твоя мама не хотела, чтобы ты ехала, но на этот раз я её уговорю.

Гу Шэн, услышав это, напряглась и быстро спросила:

— Мама тоже поедет?

Гу Сюаньцин слегка нахмурился и неопределённо ответил:

— Это зависит от её желания.

— Я хочу быть с мамой, — твёрдо заявила Гу Шэн.

Что за глупость! Она не знала слуг в усадьбе, и за эти годы они, вероятно, уже полностью подчинились наложнице Шэнь.

Если госпожа Янь не поедет, пятилетняя Гу Шэн останется одна среди врагов, а её отец будет занят делами и сможет приезжать раз в десять дней. Сможет ли она пережить зиму?

Скорее всего, она скоро «случайно» утонет.

Господин Гу, видя, как она привязана к матери, не удивился и уже собирался её успокоить, как услышал, как кто-то поднял дверную занавеску и вошёл. Он обернулся и увидел изящную и соблазнительную женщину.

В этот холодный осенний день она была одета лишь в два слоя нижнего белья, поверх которого накинула тонкую, как крылья цикады, длинную юбку без узоров, подчёркивающую её невероятно красивое лицо.

Каждое её движение, каждый взгляд были наполнены обольщением, заставляющим сердце биться чаще.

— Мама! — выкрикнула Гу Жао.

Будучи незаконнорождённой девочкой, она должна была называть наложницу Шэнь «матушкой», но господин Гу, желая подчеркнуть равное положение госпожи Янь и наложницы Шэнь, разрешил Гу Жао и Гу Ифэю называть её матерью.

Наложница Шэнь лишь кивнула Гу Жао, которую держала служанка, и подошла к господину Гу, не выражая недовольства тем, что он держит на руках Гу Шэн. Она даже с материнской улыбкой вынула платок и нежно вытерла уголок глаза Гу Шэн, мягко упрекнув:

— Глаза уже красные.

Гу Шэн слегка дёрнулась, наконец показывая некоторую растерянность — в доме появилась «актриса номер один». Наложница Шэнь была куда сложнее, чем Гу Жао.

Господин Гу, глядя на нежную и добродетельную наложницу Шэнь, спросил с лёгкостью:

— Почему так рано вернулась? Спектакль уже закончился?

Наложница Шэнь, бросая взгляд на свою дочь, с упрёком и гневом ответила:

— Ещё нет. Только две сцены прошли, как мне сообщили, что Жао во дворе обижает свою сестру.

Гу Жао, увидев взгляд матери, сразу спрятала лицо в шее служанки.

Наложница Шэнь была мастером тактики отступления.

Господин Гу, видя, что Гу Жао напугана, тут же встал на её защиту:

— Не всё так серьёзно. Просто детская ссора.

<http://bllate.org/book/16655/1526289>